

АЛЕКСАНДР ПУШКАРЁВ

“НЕ ТАКИМ МОЗГЛЯКАМ, КАК ВЫ, ТЯГАТЬСЯ СО МНОЙ...”

Джек Лондон (1876–1916) — за справедливость, демократию и социализм!

Дважды в начале нового века, 8 сентября 2001 года и, в записи, 10 августа 2002 года по российскому радио звучала настораживающая “литературоведческая” беседа представленной “профессором Современного Гуманитарного университета” В. Н. Новодворской и известного детского писателя и киносценариста Э. Успенского. Речь шла о великом американском реалисте и одновременно романтике Джеке Лондоне.

В ходе беседы злая, разрушительная энергия В. Новодворской, к сожалению, возобладала над благодушием учтивого, покладистого автора “Чебурашки” и “Троих из Простоквашина”.

Джеку Лондону, как бы в назидание презренным “совкам”, помимо очевидного мужества и литературного дарования, приписывались такие, явно надуманные, свойства, как индивидуализм, прагматизм, а также убеждённая жёсткость по отношению к себе и другим — чуть ли не с тенденцией к жестокости.

“Старым русским”, то есть основному объекту информационно-психологической агрессии, приводился в пример один из тенденциозно подобранных персонажей северных рассказов Д. Лондона: ослабевший от прожитых лет, голода и болезней индеец, обречённо остающийся на снежной тропе у догорающего костра — лишь бы только не быть в тягость уходящему в Белое безмолвие племени.

Аллегория более чем очевидная.

Новодворская с апломбом, достойным главного врача то ли хосписа, то ли психиатрической лечебницы, при поддержке Э. Успенского настойчиво рекомендовала радиослушателям как можно чаще и внимательнее перечитывать произведения Джека Лондона. По-видимому, в надежде на вожделенное для представляемых ею “белых большевиков” умиротворение всё ещё не угмонившихся и инстинктивно продолжающих цепляться за жизнь реликтовых советских людей.

Но это они зря. Начнём с того, что изначально неуместной была самоуверенная интонация этих непрошенных “социологов” и “литературоведов”. Они чуть ли не “открывали” нам одного из известнейших американских авторов, произведения которого неоднократно издавались на 32 языках народов СССР и неизменно привлекали к себе всеобщее внимание.

В действительности нет и никогда не было мировоззренческой или эмоционально-психологической “дистанции” между Джеком Лондоном и отзывчивым на всякое честно и своевременно сказанное слово русским читателем.

Собственному малодушию, а также недвусмысленным намёкам Новодворской на необходимость “достойного ухода” мы могли бы убедительно ответить словами высоко ценимого Джеком Лондоном Максима Горького.

Во-первых: “Человек — это звучит гордо!” (Сатин, “На дне”).

Во-вторых: “Умереть — не велика мудрость, ты бы вот жить умела!” (старик Каширин, “Детство”).

В-третьих: “Букашки! Вы лучший сок моей страны! Факт вашего бытия оплачен кровью и слезами десятков поколений русских людей! О, гниды! Как вы дорого стоите своей стране! Что же вы делаете для неё? Превратили ли вы слёзы прошлого в перлы? Что дали вы жизни? Что сделали? Позволили победить себя? Что делаете? Позволяете издеваться над собой. . .” (Ежов, “Фома Гордеев”).

Примерами действительно *достойного* поведения являются отнюдь не самоубийственные проявления “ангельской кротости”, но последние дни (и “Последние письма и статьи”) угасавшего от тяжёлой болезни В. И. Ленина, которому читала Н. К. Крупская напоследок не что-нибудь, но выстраданную молодым американским золотоискателем Джеком Лондоном “Любовь к жизни”.

Совместимы оказались бойцовские качества Джека Лондона и с мироощущением советских солдат и офицеров, насмерть стоявших в 1942 году на правом берегу кипящей под вражеским огнём Волги. По свидетельству Виктора Некрасова, невзначай полиставший однажды в землянке у воинов-сталинградцев роман “Мартин Иден” пехотный полковник пообещал: “А потом экзамен устрой. Как по уставу. Многому нам у этого Мартина учиться надо. Упорству, настойчивости”¹.

История великой Победы 1945-го — это история напряжённой, героической боевой учёбы, которой самоотверженно предавались наши отцы и деды. Но и в свой звёздный час, вскоре после помпезной “встречи на Эльбе”, в эмоциональном отношении они ощутили себя ничуть не лучше, чем “Мексиканец” — один из самых запоминающихся персонажей Джека Лондона.

“Эти ненавистные гринго бесчестны все до одного! . . . Никто не поздравил Риверу. Он один прошёл в свой угол, где секунданты даже не поставили для него стула. Он прислонился спиной к канатам и с ненавистью посмотрел на секундантов, затем перевёл взгляд дальше и ещё дальше. . .”².

Чем, спрашивается, не социально-психологическая зарисовка предпосылок и начальных проявлений “холодной войны”?

Многое из художественного наследия Джека Лондона мы естественно и непринуждённо принимаем на собственный счёт и органично считаем составной частью своей национальной культуры, поскольку ещё для Ф. М. Достоевского было очевидно, что русские исключительно восприимчивы к “всечеловеческому”. Напрасно поэтому Новодворская и Успенский пытались “вернуть” нас к позиции, которую мы никогда и не оставляли.

Известно то было нашим самонадеянным “миссионерам” или нет, но и Джек Лондон в течение всей своей жизни проявлял глубокий, прочувствованный интерес к России. Выходец из социальных низов, он уважительно откликнулся и на её державную мощь, и на её художественную культуру, и на пьянящие воображение перспективы пролетарской, социалистической революции.

Одно из первых, косвенных, упоминаний о России было сделано им ещё при написании рассказа “Сын Волка”. Схватившийся в ножевом поединке с молодым индейцем золотоискатель Маккензи почувствовал, что “все связки и сухожилия готовы были лопнуть от напряжения. . . и лезвие русской стали всё ближе, ближе. . .”³.

В другом рассказе, производимом Д. Лондоном от имени американского моряка, “сильный ветер рассеял туман, и мы увидели шхуну, а в её кильватере дымящиеся трубы русского военного судна”⁴.

Что и не удивительно: “Здесь, в запретных водах, патрулировали русские крейсера, и котики могли спокойно выводить своих детёнышей”, — узнаём мы из близкого по тематике рассказа “Исчезнувший браконьер”. Один из матросов оказавшейся в двусмысленном положении американской зверобойной шхуны проявил зловещую осведомлённость в этом вопросе: “Уж лучше умереть, чем попасть в Сибирь. . . Повезут тебя на соляные копи, и будешь там работать до тех пор, пока не подохнешь”.

Избавил своих товарищей от этой сумрачной перспективы опрометчиво взятый заложником на борт патрульного крейсера юнга по прозвищу Малыш. Он, мысленно примирившись с неизбежностью последующей расправы, всё-

таки решился тайком перепилить буксировочный канат и тем самым лишить русских моряков арестованного ими трофейного американского судна. Его удивление было безмерным: вопреки ожиданиям, чужаки весело смеялись и дружелюбно приветствовали его, как героя.

“В глубине души каждого человека, – радостно обнаруживал Джек Лондон, – живёт какое-то врождённое благородство, которое заставляет его восхищаться смелым поступком, если даже этот поступок совершил враг. И русские в этом отношении не отличались от других людей”⁵.

Хотя, конечно, свойственны были русским и несколько иные проявления человеческой природы.

Так, Джек Лондон уважительно упоминает в своих произведениях о располагавшейся в устье Юкона “Русской Америке”, в факториях которой можно было приобретать исключительно ценные товары. Одной из его героинь, например, предложили изготовленную по другой стороне Берингова пролива кухлянку, по поводу чего и завязалась самая оживлённая беседа:

“Какая она толстая! И что за чудный мех! И какая отделка!

– Это из Сибири...

... Там ещё не научились работать кое-как”⁶.

Но в *специальном* произведении на “русскую” тему – в рассказе “Потерявший лицо” – писатель знакомит нас с бывшим польским повстанцем Субьенковым, превратившимся в безудержной погоне за мехами в алчного, беспринципного авантюриста: “Его спутниками были охотники-славяне и русские – искатели приключений, монголы, татары и исконные жители Сибири; они кровью прокладывали путь среди дикарей этого нового света”⁷. Завершился этот кровавый, разбойничий путь вполне предсказуемым образом: восставшие индейцы жестоко отомстили своим поработителям.

Впрочем, Джек Лондон благоразумно избегал того, чтобы объяснять человеческие слабости и пороки одной лишь национальной или этнической принадлежности своих персонажей.

В частности, будучи несомненным американским патриотом, он признавал славян “самой юной нацией среди дряхлеющих народов”. На финишном отрезке жизненного пути, работая над романом о русской революционной эмиграции “Бюро убийств...”, Д. Лондон следующим образом говорил об одном из своих персонажей: “Он провёл почти год в России в грозном 1905-м. Там он пытался нащупать общемировые тенденции ближайшего будущего”⁸.

Примерно об этом же, расширяя русские с американцами, ещё в 1835 году говорил в своём трактате “О демократии в Америке” французский историк Алексис де Токвиль, полагая, что рано или поздно в руках тех и других будут в равной мере сосредоточены судьбы всего человечества.

Однако если что и интересовало Джека Лондона по-настоящему, так это отнюдь не геополитика, но злободневные социальные вопросы.

Возникновение этих вопросов в Америке и России (и появление у литературной общественности взволнованных откликов на них) удивительным образом синхронизируется. Этим ещё раз, дополнительно, объясняется то обстоятельство, что склонные к социалистическому реализму российские читатели привычно считают “своим” Фриско-Кида – простого рабочего парня из Калифорнии, однажды блистательно дебютировавшего в литературе с очерком “Тайфун у берегов Японии”.

Фриско-Кид (Джек Лондон) был, конечно же, вполне достоин распространения и той прекрасной характеристики, которую он давал своему знаменитому русскому собрату: “Горький пишет потому, что у него есть, что сказать миру... Он поднял голос в защиту отверженных и презираемых, он обличает мир торгашества и наживы, протестует против социальной несправедливости, против унижения бедных и слабых, против озверения богатых и сильных в бешеной погоне за влиянием и властью”⁹.

Если сопоставлять художественно интерпретированные особенности российской и американской действительности конца XIX – начала XX веков, то нельзя не вспомнить, как уродовала фабричная работа вечного, хотя и несовершенного ещё труженика по имени Джонни. “Из образцового рабочего он превратился в образцовую машину”, – с большим знанием дела говорил Джек Лондон. И добавлял: “Это была пародия на человека: заморожен-

ное, искалеченное существо ковыляло, свесив плети рук, сгорбившись, как больная обезьяна...¹⁰. В русской литературе зеркальным отображением американского фабричного мальчика можно считать мученически погибшего на уральском заводе малолетнего Прошку, героя написанного Д. Н. Маминым-Сибиряком рассказа “Кормилец”.

В 1908 году охваченный праведным негодованием Джек Лондон сообщал: “В Нью-Йорке каждое утро 50 000 ребят голодными уходят в школу, а между тем в том же Нью-Йорке 1320 миллионеров”. И возмущённо спрашивал: “...почему в Соединённых Штатах насчитывается 1 752 187 малолетних тружеников?”¹¹.

Положение этих тружеников, по его свидетельству, было поистине плачевно: “У малышей, работающих в ночной смене, глаза слипаются от усталости, и, чтобы они не заснули, им брызгают в лицо водой. Есть шестилетние труженики, у которых годичный стаж ночной работы... Десять процентов этих детей больны туберкулёзом, и все они без исключения маленьки инвалиды, калеки телом и душой”¹².

Аналогично обстояли дела и в дореволюционном Иваново, имевшем пугающую репутацию “русского Манчестера”. “Я раз спросил одного фабриканта, что за люди впоследствии выходят из всех этих мальчуганов, работающих при сушильных барабанах, в зрельных и на вешалах, – повествовал ещё в самом начале капиталистической эпохи Ф. Д. Нефёдов. – Он, немного подумав, дал мне такой ответ:

- Бог знает, куда они у нас деваются, мы уж как-то их не видим после.
- Как не видите?
- Да так, высыхают они”.

Нефёдов начал было уточнять, не переходят ли подрастающие мальчишки к другим занятиям и не переводятся ли они на какие-нибудь другие производства. Но результат оказался самый неутешительный: “Нет, просто высыхают, совсем высыхают!” – отвечал серьёзно фабрикант¹³.

По аналогии вспоминаются здесь чеховские “Ванька” и “Спать хочется”, горьковская “Мать” и написанная А. И. Куприным повесть “Молох”.

Столь же обескураживающими были и связанные с положением пролетарских детей британские впечатления Джека Лондона:

“Итак, если счастье улыбнётся ребёнку, то он попадёт в число тех, кого благотворители вывезут на денёк за город! – восклицал он. – Но ведь эти бедняки плодят такое количество детей, что всех-то мудрено вытащить за город даже на один день. Один день! За всю жизнь единственный!”¹⁴.

В России близкую Джеку Лондону тему развивал Леонид Андреев, обращаясь к передовой общественности. В его рассказе “Петька на даче” повествуется о неожиданном и горестно коротком счастье одного из типичных “кухаркиных детей”: “В первые два дня Петькина пребывания на даче богатство и сила новых впечатлений, лившихся на него сверху и снизу, смяли его маленькую и робкую душонку. В противоположность дикарям минувших веков, терявшимся при переходе из пустыни в город, этот современный дикарь, выхваченный из каменных объятий городских громад, чувствовал себя слабым и беспомощным перед лицом природы”¹⁵.

Вспоминается, в этой связи, и введённый в литературу А. М. Горьким обезноженный тяжёлой болезнью мальчик, мечтавший в душном подвале пыльного и равнодушного ко всему провинциального города о несказанном чуде “чистого поля”.

Но не были распорядителями своего досуга и уж тем более хозяевами своей судьбы так же искалеченные буржуазной цивилизацией взрослые люди.

“Стальная пыль, каменная пыль, глиняная и известковая пыль, пыль от пуха и древесного волокна – всё это уносит больше жизней, чем пулемёты и пушки. Страшнее всего – свинцовое отравление, которому люди подвергаются на производстве белил”, – сообщал читателям “Людей бездны” Джек Лондон¹⁶. Ему вторил у нас в России однажды перезимовавший, по крайней необходимости, на белильном заводе беспокойный молодой скиталец В. Гиляровский: “...отсюда живы редко выходят. Работа лёгкая, часа два-три утром, столько же вечером, кормят сытно, а тут тебе и конец”¹⁷.

Впрочем, в самом начале жизненного пути молодые и здоровые люди склонны бывают не к пессимистическим ожиданиям, но к вере в удачу – в духе неустанно искавшего свою капризную “госпожу Жилу” старателя из рассказа Джека Лондона “Каньон”.

Америка очень долго пользовалась репутацией “страны равных возможностей”, где и без участия в классовых боях можно добиваться повышения своего социального статуса. Одним из миллионов приверженцев стереотипной “американской мечты” был и юный Джек Лондон. Подростком он начинал зарабатывать себе на жизнь как разносчик газет. Затем продолжал как фабричный рабочий, “устричный пират”, матрос, инспектор рыбачьего патруля, кочегар, бродяга, золотоискатель. В конечном итоге он проявил себя как талантливый журналист, которому предстояло сделаться известным писателем, уважаемым бизнесменом и – убеждённым социалистом (!).

На восходящей линии своей творческой биографии Джек Лондон, одновременно переживавший процесс становления личности, в силу возрастных и социальных причин мечтал о самом простом, обыденном счастье, то есть о состоянии, которое “соответствует наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего быта, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения”¹⁸.

Героев для своих произведений первого, овеянного романтикой периода литературного творчества он находил среди людей, которые несмотря ни на что хотели и пытались быть счастливыми.

Позволим себе несколько конспективных упоминаний об этих людях.

Джек Лондон, будучи начинающим старателем (“чечако”) и пытаясь постичь новую для него нравственно-психологическую атмосферу охваченного золотой лихорадкой Клондайка, без чего невысказано было бы закрепиться в этих суровых краях, признавал: “. . . самое трудное – это выработать в себе должное отношение ко всему окружающему и особенно – к своим ближним. Ибо обычную учтивость он должен заменить в себе снисходительностью, терпимостью и готовностью к самопожертвованию. Так и только так он может заслужить драгоценную награду – истинную товарищескую преданность. От него не требуется слов благодарности – он должен доказать её на деле, воздав добром за добро, короче, заменить видимость сущностью”¹⁹.

По свидетельству товарищей Джека Лондона, своего рода “курс молодого бойца” он блестяще выдержал. Харгрейв, хозяин соседней с Джексом хижины на берегу Юкона, впоследствии восклицал: “Что это был за превосходный образец человеческой породы! У него было чистое, полное радости, нежное, незлобивое сердце – сердце юноши, но без тени свойственного юности эгоизма”²⁰. Будущей знаменитости так и не довелось намыть желаемого количества золотого песка, но всё равно он был счастлив: высокообразованным интеллектом, пылкостью, правдолюбием, личным обаянием и физической мощью.

Дорогого стоила, например, почти в жанре автопортрета сделанная зарисовка из рассказа “За тех, кто в пути!”: “В полярной меховой одежде он выглядел весьма живописно: шесть футов роста, широкие плечи, могучая грудь. Его гладко выбритое лицо покраснело от мороза, брови и длинные ресницы заиндевели. Расстегнув капюшон из волчьего меха, он стоял, похожий на снежного короля, появившегося из мрака ночи”.

Этими словами Джек Лондон передавал читателю физический облик старателя-старожила, о внутренней сущности которого патетически сказано было в рождественскую ночь в хижине на 40-й миле: “Никогда ещё не ел с нами из одной миски и не укрывался одним одеялом человек честнее Джека Уэстондейла”²¹.

И какой, спрашивается, русский – из сибирских ли старателей-“горбачей”, из волжских ли купцов-миллионщиков, из тридцатилетних ли сталинских наркомов – не мечтал бы о такой репутации? Несомненно, *родственной* России была пылкая и чистая натура Джека Лондона, которого, на наш русский манер, хорошо было бы называть *добрым молодцем*.

Признаки расчётливого (американского) поведения и одновременно какого-то неожиданного, чуть ли не русского удалства проявил герой “Однодневной стоянки”, который при нечаянной встрече взял со своего счастливой соперника весомый золотой выкуп за однажды уведённую им жену. Читаем в тексте: “Он разбил лёд кулаком и, развязав тесёмки мешка зубами, высыпал его содержимое в воду. Река в этом месте была неглубока, и в двух футах от поверхности Месснер увидел дно, тускло желтевшее в угасающем свете дня. Он плюнул в прорубь”²².

Эта выразительная финальная сцена, происходившая в морозных вечерних сумерках, не имела свидетелей. Но и без них Месснер, по-видимому, ис-

пытывал какое-то неожиданное подобие счастья, поскольку он переживал важнейшую в мужской жизни минуту заслуженно высокой самооценки.

Что касается юношей, то, в отличие от уже заматеревших искателей приключений, им всегда необходимо бывает внешнее признание и одобрение.

К новосёлу матросского кубрика Фаррингтону, в котором опять-таки угадывается сам будущий писатель, долгожданное признание пришло от сурового скандинава Эмиля Иохансена: “Крис, — сказал он так громко, чтобы все могли слышать, — Крис, я сдаю. Ты оказался таким же хорошим матросом, как и я. Ты крепкий парень и настоящий моряк, и я горжусь тобой!”²³.

Другого молодого американца удостоили в Иокагаме подобной же чести японские лодочники — за то, что не унизился перед ними и, не сойдясь в цене, тёмной ночью вплавь добрался до своего стоявшего на внешнем рейде судна. Как следствие, “пока “Энни Майн” оставалась в порту, лодочники отказывались брать деньги с Элфа Дэвиса. Восхищённые его отвагой и независимостью, они перевозили его даром”²⁴.

Достигнув возраста Мартина Идена, такой мальчишка был уже вправе сомневаться в справедливости существующего мироустройства и задаваться неприязненными, но справедливыми вопросами при виде высокомерных молодых “джентльменов”. Ну, например: “Кто из них сумел бы натянуть парус, править рулём, отстоять вахту?”.

В один из таких моментов, — читаем у Джека Лондона, “его жизнь пронеслась перед ним, полная опасностей, отваги, лишений и трудов”²⁵.

Как известно, прожита была Мартином Иденом напряжённая, героическая жизнь и на мучительно трудном поначалу литературном поприще — вопреки попыткам навязать ему в качестве “идеала” пример заурядного буржуазного скопидомства.

В разговоре со своей нечаянной музой Руфью Мартин однажды не удержался и от очевидной резкости: “. . . мне жалко его, вашего мистера Бэтлера. Он тогда был слишком молод и не понимал, что сам украл у себя всю жизнь ради этих тридцати тысяч, от которых ему теперь никакой радости. Сейчас уж он на эти тридцать тысяч не купит того, что мог бы тогда купить на свои отложенные десять центов, — ну, там леденцов каких-нибудь, когда был мальчишкой, или орехов, или билет на галерку!”. Далее: “. . . Тридцать тысяч долларов — это, конечно, неплохо, но катар и неспособность радоваться жизни уничтожали их ценность”²⁶.

Главное, на наш взгляд, в жизненной философии Джека Лондона — это понимание того, что от способа приобретения денег напрямую зависит и внутреннее “я” их иногда счастливого, а иногда и злосчастного обладателя. Беспощаден, но справедлив был однажды заданный, на страницах его произведений, типичному американскому белоручке вопрос: “Кто заработал эти средства? А?.. Ну, я так и думал: ваш отец. Вы не стоите на своих ногах — кормитесь за счёт мертвецов”²⁷.

Исключительной силы и обаяния исполнены у Джека Лондона честные и мужественные “self-made men” — “люди, которые сделали себя сами”, так и не унизившись до раболепного преклонения перед деньгами.

Очевидно, что никакие мистеры Бэтлеры (Гобсеки, “скупые рыцари”, “старухи-процентщицы”) никогда не смогли бы в брутальной манере Харниша, известного под прозвищем “Время-не-ждёт”, разобраться с презренными биржевиками, типичными “акулами империализма”.

Когда по собственной доверчивости, простоте и неосмотрительности вернувшийся в Калифорнию Харниш остался без нажитых им на Аляске одиннадцати миллионов, то для перенесения полученного удара потребовалось собрать воедино всё его мужество. “На хмурое лицо легли горькие складки, — он вспомнил суровую жизнь Севера, лютый полярный мороз, всё, что он совершил. . .” В результате, пришлось применить силу. “Эти деньги мои, я их у вас не украл”, — пояснял он компании перетрухнувших биржевых маклеров, поигрывая револьвером. И удовлетворённо констатировал: “Не таким мозглякам, как вы, тягаться со мной. . .”.

Как известно, никто из этих людей так и не осмелился обратиться в полицию — из чувства животного страха перед “Время-не-ждёт” и из небезосновательных опасений за свою репутацию. Харниш же развернулся по-настоящему, причём (воспользуемся современной экономической лексикой) в реальном секторе экономики, столь импонирующем его героической, деятельной натуре.

Однако Джек Лондон не был бы самим собой, если бы воздержался от написания сцены обескураживающего для Харниша нечаянного состязания в армрестлинге. “Время-не-ждёт”, утратив былую форму, дважды проиграл крепкому молодому парню и разразился по этому поводу следующей тирадой: “Я кое-что повидал на своём веку и не то, чтоб я уж больно много требовал от жизни. Но я вам прямо скажу: у меня чёрт знает сколько миллионов, и я бы все их, до последнего гроша, выложил сию минуту на эту стойку, лишь бы прижать вашу руку. А это значит, что я отдал бы всё на свете, чтобы опять стать таким, каким был, когда я спал под звёздами, а не жил в городских курятниках, не пил коктейлей и не катался на машине”²⁸.

И уж, конечно, жизни мистеров Бэтлеров никогда не расцветивались теми радужными эмоциональными всплесками, которые переживал дерзнувший оторваться от цивилизации начинающий литератор – Кит (впоследствии Смок) Беллью.

Попробуем перечислить хотя бы некоторые из них – имеющие для нас непреходящее, принципиальное значение.

В начале повествования: “. . . когда он в снежную вьюгу добрался до вершины перевала, тайная гордость наполнила его душу; он сделал трудный переход наравне с индейцами, не отставая от них и не жалуясь. Сравняться с индейцами стало его новой мечтой”.

Далее: “Переправив через пороги лодку Брэка – так звали их нового знакомого, – Кит и Малыш познакомились с его женой, худенькой женщиной, похожей на девочку. В её синих глазах блестели слёзы благодарности. Брэк сделал попытку вручить Киту пятьдесят долларов и, потерпев неудачу, предложил деньги Малышу.

– Чудак человек! – ответил Малыш. – Я приехал в эти места, чтобы выколачивать деньгу из земли, а не из своих же товарищей”.

Наконец, уже освоившись на Клондайке и встретив в лесу обременённых самородной медью, ошибочно принимаемой за золото, голодных индейцев, Смок сказал своему верному компаньону: “Мы должны их накормить. Понимаешь, они верят, что белые им помогут”.

В другой драматической сцене, также связанной с индейцами, он ещё более красноречив. “Ну да, мы, белые, свиньи, – заговорил Смок, злясь на себя за то, что ему пришлось играть такую роль. – Мы готовы душу продать за золото и всё такое. Но бывают же случаи, когда мы обо всём забываем и действуем, не спрашивая себя, сколько на этом можно заработать”.

Ещё большую смысловую нагрузку имеет описание уже очевидного подвижничества со стороны главных героев: “В эту ночь в лагере никто не спал. Час за часом Смок и Малыш снова и снова обходили его обитателей, вливая животворный картофельный сок, по четверти ложки зараз, в страшные, все в язвах рты. И на следующий день, когда один спал, другой продолжал своё дело.

Смертных случаев больше не было”.

В заключение уместно припомнить ещё и гневную фразу, адресованную тогдашнему “стратегическому собственнику” Уэнтворту, который “приватизировал” у заболевающих цингой компаньонов весь имевшийся у старательской партии запас свежего картофеля. Запыхавшийся, уставший вразумлять Уэнтворта своими увесистыми пинками Малыш произнёс: “Эх, жалко, что на мне мокасины, а не сапоги. Ах, ты свинья!”²⁹.

По аналогии, связывая литературную классику с жизнью и современностью, хотелось бы процитировать знакомого мне ещё по советской эпохе, частично и произведениями Джека Лондона воспитанного сибирского бурового мастера. “У меня в бригаде, – говаривал он, – мужики всё очень хорошие. У нас в Нерюнгри жлоба, в принципе, нет. Жлоб у нас не держится. Он у нас – зимой вымерзает!”.

То же и на Клондайке. Одному давнему знакомому, прислуживающему на пароходе официантом, разбогатевший на золотых приисках дедушка Таруотер снисходительно объяснял: “Старался-то ты старался, сынок, только можешь ты мало, уж очень коммерция тебе характер испортила, больно ты мужчина чёрствый и раздражительный”³⁰.

В другом случае преуспевающего американского дельца, только что похоронившего своего вроде бы “непутёвого” брата, беспощадно донимает внушительный голос:

“Собственность! Теперь он уже видел всё по-другому: одна тысяча долларов была, как две капли воды, похожа на любую другую, и каждый день, прожитый им, похож на любой другой день. Он так и не увидел стран, изображённых на картинках в учебниках географии. Он так и не ударил своего врага, не прикурил сигары от спички, зажжённой рукой женщины. “Человек не может спать сразу на двух кроватях”, – сказал как-то Том. Фредерик поёжился, попытавшись сосчитать свои кровати и одеяла. Но сколько бы их ни было у него, ни один человек не приедет издалека, с конца света, чтобы пожать ему руку и воскликнуть: “Клянусь черепахами Тасмана!”³¹.

Впрочем, в человеческом измерении *состояться* и, как следствие, умереть счастливым в Америке времён Джека Лондона было невероятно трудно.

Неисполнимой, например, оказывалась идиллическая мечта об американском земледельческом рае, возбуждаемая принятым 20 мая 1863 года законом о гомстедах. Получаемые каждым желающим за символическую плату сто шестьдесят акров плодородной земли на деле не так-то просто было превратить в процветающую ферму. Этому препятствовало крайне недобросовестное поведение жульнически овладевающих рынком капиталистических корпораций. Монополисты медленно, но верно теснили и угнетали мелкого предпринимателя. В психологическом отношении это переносилось незадачливыми фермерами очень болезненно, поскольку мало кто из них, потомственных крестьян, был предрасположен к добровольной социальной мобильности. Так, например, даже и представитель “старой доброй Англии” капитан Мак-Элрат, избородивший на торговых судах весь Мировой океан, мечтал вернуться когда-нибудь к традиционным занятиям своих предков и “не понимал, как это люди могут по собственной воле бросить ферму ради моря”³².

Хотя, конечно, не всегда и не во всём были виноваты одни только банкиры, перекупщики и железнодорожные магнаты. Справедливости ради надо упомянуть и о некоторых субъективных предпосылках фермерской несостоятельности.

Джек Лондон, несомненно, сочувствовал неудачникам; “Маленькие люди – это те, кто проигрывает... Они уже не могут запрячь волов и ехать дальше: ехать-то больше некуда!”.

Но, с другой стороны, “это были игроки и обжоры. Если одна ставка была потеряна, тогдашнему фермеру стоило только перейти границу на несколько миль к западу и расположиться на новом месте. Они шли по стране, как саранча...”. Ещё пагубнее для сельского хозяйства было безответственное поведение печально напоминающих “перекати-поле” мелких арендаторов. “В большинстве случаев это просто ленивые, равнодушные лодыри”³³.

Джек Лондон, находясь в зрелом возрасте, пытался капитализировать свои литературные заработки посредством создания высокотехнологичного сельскохозяйственного производства, но столкнулся с многочисленными проблемами – подобными тем, которые на страницах “Анны Карениной” пытался решать любимый Л. Н. Толстым “просвещённый помещик” Константин Лёвин.

Одной из них, то есть проблеме тяжёлого, беспробудного пьянства, Д. Лондон посвятил социально-критический очерк “Джон Ячменное зерно”.

О мелком, злобном хищничестве “маленького человека” размышлял он в литературно-художественном цикле “Дорога”; в рассказах “Держи на запад”, “Френсис Спейт”, “Просто мясо”; в повестях “Игра”, “Лютый зверь” и во многих других столь же талантливо написанных произведениях.

В минуты разочарования, близкого к отчаянию, Джек Лондон готов был иногда усомниться в правомерности свойственного ему чувства гордости за людей англо-саксонской расы и начинал восхищаться земледельческими талантами японцев, китайцев, португальцев, а также балкано-дунайских славян, переселяющихся на западное побережье Соединённых Штатов Америки.

“Вы были удачливыми фермерами”, – иронически говорит один из персонажей “Маленькой хозяйки большого дома”. И в обличительной манере продолжает: “Ведь как вы действовали? Брали, например, в долине реки Сакраменто сорок акров лучшей, роскошнейшей земли и сеяли на ней из года в год пшеницу. О многопольной системе вы и понятия не имели. Вы понятия не имели, что такое севооборот. Солому жгли. Чернозём истощали”³⁴.

Всё это так. Однако малоразвитые, малообразованные, малокультурные люди в равной мере могут восприниматься и в качестве первопричины, и в качестве следствия обостряющихся социальных (и экологических) проблем.

Ведь американское государство и во времена Джека Лондона никоим образом не способствовало гармоническому развитию человеческой личности.

В 1873, 1882–1883, 1893, 1901–1903, 1907 годах экономика страны переживала тяжёлые (и абсурдные!) кризисы “перепроизводства”. В 1908 году безработица достигала 16,4%, а в строительной и угледобывающей отраслях – даже и 35%. Но зато к 1915 году 2% американского населения имели в частной собственности 60% национального богатства, тогда как на долю ещё 65% населения приходилось не более 5%.

Продолжительность рабочей недели в 1900 году равнялась 57,3-м, а в 1915 году – 53,5 часа. В 1914 году в материальном производстве было занято 14 миллионов наёмных рабочих, в том числе 1,5 миллиона женщин и 2 миллиона детей в возрасте от 10 до 15 лет. Ежегодно происходило не менее 2 миллионов несчастных случаев на производстве, половина которых завершалась смертельным исходом.

Джек Лондон, с его многообразным личным опытом борьбы за выживание, очень сочувственно относился к социальным аутсайдерам – вне зависимости от рода занятий и от этнической и расовой принадлежности.

Очень убедителен у него попавший в экстремальную ситуацию Хэмп, он же “неженка Ван-Вейден”, по прихоти капитана Ларсена поднятый на палубу зверобойной шхуны “Призрак” (роман “Морской волк”). Приходящая Хэмпу образованность и внутренняя культура позволили ему понемногу закалиться и, в конце концов, успешно выдержать жестокую борьбу против деспотизма сумасбродного ницшеанца Волка Ларсена.

Но были у Джека Лондона и менее стойкие, менее удачливые персонажи, нуждающиеся в сочувствии и внешней поддержке. Писатель относился к ним (и их жизненным прототипам) с неизменной теплотой и отзывчивостью.

Так, индеец Ка-Чукте, осуждённый проводником Ситкой-Чарли на смерть за похищенную в походе провизию, напоследок сказал своему краснокожему собрату и повелителю: “У меня есть сестра, жена агента фактории... Он бьёт её, ей плохо с ним. Дай ей всё, что принадлежит мне по контракту, и скажи, чтобы возвращалась к своей родне. А если сам он тебе попадётся, и ты захочешь оказать мне услугу, – знай, что ему следовало бы умереть...”³⁵. Ситка-Чарли величественно и немногословно утешил его, и тут же читатели вместе с Джеком Лондоном вздрогнули от ружейного выстрела, оборвавшего жизнь оплошавшего, но всё-таки вполне симпатичного человека.

Сам Джек Лондон, в юности боровшийся с браконьерами-китайцами в заливе Сан-Франциско, получая за это 50% штрафных сумм, довольно скоро оставил своё доходное место по принципиальным, этическим соображениям, поскольку “одно дело – стрелять в нападающих и совсем другое – в людей, которые просто-напросто отказываются повиноваться”³⁶.

Несчастные китайцы, по его сведениям, за великое благо считали уехать из Поднебесной и по контракту работать где-нибудь на плантациях за 50 центов в день, поскольку “...за весь год кули с реки Янцзы не мог заработать больше полутора долларов”³⁷.

Ещё бесправнее были хорошо знакомые Джеку Лондону по совместным рыбалкам, забавно разговаривающие на “pigeon English”, но омрачаемые горьким жизненным опытом полинезийцы: “Солнце, он вставай, – сказал Отти, – моя неси окаянный купец большой-большой рыба задаром”³⁸.

Но порой столь же безнадёжным оказывалось и положение некоторых старившихся англичан – в том числе и причастных ранее к пресловутому “племени белого человека”.

В “Людях бездны” ветеран нескольких колониальных экспедиций, смиренно дожидаящийся своей очереди в ночлежку, говорил как бы отставшему от американского парохода Джеку Лондону: “Смотри, малый, не вздумай дожить до старости! Умирать надо, пока молод, не то докатишься до такого же конца. Верно тебе говорю. Мне вот восемьдесят семь лет, и я честно послужил моей родине: имел три нашивки за отличную службу и орден Виктории. И что толку?”³⁹.

Последним пристанищем для вытесняемых из жизни стариков могла бы оставаться семья, но люмпен-пролетарские нравы англичан почти не отличались от печально известных нам российских аналогов. Ненависть, возбуждаемая социальной несправедливостью, слишком часто вымещалась пролетарием (или, что ещё хуже, безработным!) на его же собственную жену, которую

иной трущобный житель Ист-Энда, по свидетельству Джека Лондона, бил и... “топтал ногами, словно техасский жеребец гремучую змею”.

Соответственно, трогательным кажется нам сделанное писателем описание той внезапной нежности, с которой поправил стоявший возле ночлежки пожилой англичанин седую прядь в причёске своей верной подруги.

“У него было чувство собственного достоинства и чувство гордости за свою жену”, – заметил Д. Лондон. Затем он побеседовал с этими славными стариками о сезонных работах по уборке хмеля и узнал, что “они с женой очень ловко это делают: у них всегда общий ларь, и они не спят за работой”⁴⁰.

Но в целом ситуация для английских современников Д. Лондона вырисовывалась самая неутешительная: “Молодой рабочий, молодая работница, холостые или женатые, не могут надеяться ни на счастливую, здоровую жизнь в среднем возрасте, ни на безбедную старость. Как ни трудятся они, им не удаётся обеспечить себе будущее”. Если же сознательно, в надежде хоть на какое-то материальное благополучие, смолodu обречь себя военной службе или монастырскому уставу, то “тогда они вынуждены отказаться от семьи, от детей, от всего того, что придаёт жизни ценность и спасает от страшного одиночества в старости”⁴¹.

И дело всё в том, по глубокому убеждению Д. Лондона, что “по вине негодной системы люди в условиях цивилизации живут хуже скотов”⁴². Не удивительно поэтому, что мало-помалу в его обострённом сознании назревали сакраментальные вопросы в духе “Что делать?” и “Кто виноват?”

Человеку, воспитанному в традициях американского индивидуализма, но не чуждому альтруистическим мотивам, можно было попытаться совершить что-нибудь разумное и справедливое хотя бы и в одиночку. Но даже и столь могучий автобиографический персонаж, как Мартин Иден, не решился поддержать свою давнюю, восторженную, пролетарских ещё времён подружку Лиззи Конолли заключением с ней брачного союза. Формально этому препятствовала иррациональная верность платоническому роману с буржуазной девушкой Руфью, фактически же можно предполагать и подсознательное нежелание героя ещё раз затевать сказку о Золушке – едва ли у неё будет счастливый финал.

Несколько проще оказалось ему найти верное решение применительно к семейству старшей сестры.

Мартин Иден поразил воображение прижимистого мелкобуржуазного зятя, мистера Хиггинботам, своей “безрассудной” щедростью: когда однажды за обеденным столом речь зашла о старом родственном долге, Мартин сказал: “Можешь оставить себе основную сумму безвозвратно, но с условием тратить тридцать пять долларов в месяц на кухарку и прачку. Одним словом, семь тысяч твои, если ты гарантируешь мне, что Гертруда не будет больше делать всю грязную работу в доме”⁴³.

Но облегчение участи всего лишь одной замученной жизнью женщины за счёт найма на деньги от литературных заработков Мартина Идена *прислуги* в принципе ничего не меняет. Поэтому на веку Джека Лондона в Америке уже ощутимо назревали впоследствии отчётливо обозначенные Джоном Стейнбеком “Гроздья гнева”.

В частности, среди персонажей “Лунной долины” нашлось вполне достойное место некоему Берту, в мировоззренческом отношении близкому нынешним “старым русским” калифорнийскому ветерану, который неоднократно мечтательно говорил: “Но сердце моё взыграло бы в груди, если бы мне удалось перед смертью вздёрнуть хоть кого-нибудь из этих гнусных воров. Ты знаешь – кто мы? Те – что бились на полях сражений, и вспахали землю, и создали всё, что вокруг нас. Мы – *последние могикиане*”⁴⁴.

Один из таких обездоленных *последних могикиан*, при очевидном сочувствии автора, с револьвером в руке проник тёмной ночью в богатый особняк, где и произошло его нечаянное объяснение с бдительной молодой хозяйкой.

“Он делец, – говорил девушке о её преуспевающем отце незадачливый начинающий грабитель. – К его услугам – сотни разных специалистов, которые думают и работают за него. Я слышал, что некоторые из них получают больше жалованья, чем президент Соединённых Штатов. А я только один из тех тысяч, которых разорил ваш па... Мне очень нужны деньги, так что если я отберу у него то, что мне причитается, греха тут большого нет”⁴⁵.

Есть свой глубокий смысл также и в самоотверженном, мстительном поведении пожилых североамериканских индейцев, сделавшихся у Д. Лондона героями рассказа “Лига стариков”.

По-своему прав был и молодой алеут Наас, в “Северной Одиссее” жестоко поквитавшийся с разрушившим его первозданное счастье белым человеком Акселем Гундерсоном.

Можно и должно посочувствовать взявшемуся за винтовку тихоокеанскому островитянину Кулау, не желающему перебираться в лицемерно устроенный колонизаторами лепрозорий. Очень впечатляет современного российского читателя его прочувствованная, достойная всякого настоящего мужчины речь: “Болезнь эта не наша. На нас нет греха. Слуги господ Бога и слуги господ рома привезли сюда болезнь вместе с китайскими кули, которые работают на украденной у нас земле... не разрешает закон украсть у человека землю, заразить его китайской болезнью, а потом заточить в тюрьму на всю жизнь”⁴⁶.

Защищал Д. Лондон в своих публицистических произведениях и восхитивших его решимостью и героизмом русских революционеров. “Русское правительство казнит революционеров”, — отмечал он, но зато “революционеры убивают правительственных чиновников, на узаконенное убийство они отвечают террористическими актами”⁴⁷.

Находясь под воздействием прочувствованных размышлений над социальными проблемами на протяжении всей своей жизни, Джек Лондон мучительно трансформировал собственное мировоззрение в литературном творчестве.

Так, один из идейно близких ему героев, Фредди Драмонд, был доктором социологии, но ему “нравилось жить среди рабочих”. В своём привычном кругу “он слыл “Холодильником”, а здесь, “по другую сторону рва”, где его звали Билл Тотс, Верзила Билл, он пил, курил, дрался, ругался и был всеобщим любимцем”⁴⁸.

В 1906 году в статье “Что значит для меня жизнь” Джек Лондон сделал честное, мужественное и очень откровенное признание: “. . . я вернулся к рабочему классу, в среде которого я родился и к которому принадлежал. Я не хочу больше взбираться наверх”.

Этот тезис был им значительно усилен и развёрнут в обвинительных вердиктах капитализму в выступлениях перед богатейшими людьми Америки в Гранд-Сентрал-Паласе (Нью-Йорк, 19.01.1908) и перед студентами Калифорнийского, Гарвардского, Йельского, Колумбийского и Чикагского университетов. В советские времена благосклонные упоминания о социалистическом выборе Джека Лондона неизменно включались в учебные пособия по новой истории, истории культуры и литературоведению⁴⁹.

В программном отношении особой насыщенностью отличается тот фрагмент текста из его исполненной революционного пафоса “Железной пяты”, в котором говорится: “Убедившись, что современный человек живёт хуже своего пещерного предка, хотя его производительность труда выросла тысячекратно, мы с неизбежностью приходим к выводу, что капитализм обанкротился. . .”⁵⁰.

Но, правда, после восторжествовавшей в 1991–1993 годах в нашей стране буржуазной реакции в корректности такого рода признаний и футурологических прогнозов многие россияне считают себя вправе несколько усомниться.

Припоминается, кстати, и написанная В. И. Лениным в 1916 году статья “Империализм и раскол социализма”, в которой предугадывалась вероятность искусного социального маневрирования мировой буржуазии и, как следствие, прогнозировалось появление, наряду с эксплуататорскими классами, ещё и эксплуататорских наций (предтечи нынешних стран “золотого миллиарда”).

Возникает и возможность предвзятой интерпретации того драматического момента биографии Джека Лондона, который был связан с его добровольным уходом в марте 1916 года из рядов американской Социалистической партии. Если в советские времена в наших справочных изданиях лишь предположительно упоминалось о якобы имевшем место “примирении” позднего Джека Лондона с буржуазной действительностью, то нынешние российские либералы на этом уже *непреклонно настаивают*.

Однако Джека Лондона ни в коем случае не следует воспринимать ренегатом от социализма, как бы ни хотелось того господам В. Новодворской и Э. Успенскому.

Когда в 1914 году он ещё только подумывал о возможном отходе от начинающего раздражать его своим оппортунизмом американского социалистического движения, одному из газетных репортёров он всё-таки сказал однозначно: “Думаю, что, когда понадобится, разум скомандует моим чувствам спуститься вниз с вершины горы и ввязаться в драку”.

В письме же о своём выходе из партии Джек Лондон говорил: “Если расы и классы не способны возвыситься и силой собственного разума и мускулов вырвать у мира волю, свободу, независимость, они никогда не смогут вовесть получить эти высочайшие дары. . . если же эти высочайшие дары всё-таки будут милостиво преподнесены им на серебряном подносе некими сверхъестественными особами, они не будут знать, что с ними делать, и никакой пользы для себя не извлекут, а останутся теми, кем они всегда были в прошлом, – низшими расами и низшими классами.

Ваш – во имя Революции –
Джек Лондон”⁵¹.

Таким образом, Д. Лондон испытывал чувство разочарования не в идеях социализма, но в качестве хорошо изученного им американского человеческого материала, в котором несомненное героическое начало (например, свойственное Смоку и Малышу стремление “питаться медвежатиной!”) всё-таки безнадежно размывалось вульгарными обывательскими устремлениями к беспринципно приобретаемому богатству.

И предчувствия, к сожалению, не обманывали этого великого человека и выдающегося писателя.

Вот как, например, характеризует типичного современного американца один из многочисленных земляков Джека Лондона, некто Андре Галлиат из города Валенсия, штат Калифорния: “В статье “Как разгадать загадку полноты” (“Здоровье”, 2.09.2002) дано подробное биологическое объяснение феномена полноты американцев, но полностью проигнорированы глубинные корни этой проблемы: американцы толстые потому, что они слишком зациклены на удовлетворении каждого из своих желаний. Лень – вот что является чуть ли не добродетелью нашего общества. Так что дело не в пищевых пирамидах, не в неправильной диете и не в сети ресторанов быстрой еды. Они ни при чём. Виновен сам человек, который не готов себе в чём-либо отказывать, не готов к тому, чтобы учиться или хотя бы оторвать от кресла собственную задницу”⁵².

Поэтому не надо бы “демократам” Успенскому и Новодворской ставить нам в пример скучное, расточительное и, зачастую, паразитарное “общество потребления”. Оно, как и “общество всеобщего благоденствия”, – это всего лишь лукавая и корыстная выдумка “его препохабия капитала”, дурно пахнущий суррогат счастья, в борьбе против которого прозревающее в условиях мирового финансово-экономического кризиса человечество ещё имеет шансы сплотиться и победить – под высоко ценимым Джеком Лондоном красным знаменем освобождаемого от эксплуатации созидательного труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некрасов В. П. В окопах Сталинграда. М., 1995. С. 130.

² Лондон Д. Мексиканец// Лондон Д. Собр. соч. в 13-ти томах. М., 1976. Т. 10. С. 419, 421.

³ Лондон Д. Собр. соч. Т. 1. С. 70.

⁴ Лондон Д. Северная Одиссея// Лондон Д. Собр. соч. Т. 1. С. 175.

⁵ Лондон Д. Собр. соч. Т. 4. С. 22, 24, 30.

⁶ Лондон Д. Дочь снегов// Лондон Д. Собр. соч. Т. 2. С. 139.

⁷ Лондон Д. Собр. соч. Т. 3. С. 320.

⁸ Ф. Фонер. Джек Лондон – американский бунтарь. М., 1966; Лондон Д. Бюро убийств с ограниченной ответственностью. Маленькая хозяйка большого дома. Тольятти, 1997. С. 293.

⁹ Лондон Д. “Фома Гордеев”// Лондон Д. Собр. соч. Т. 5. С. 348.

¹⁰ Лондон Д. Отступник// Лондон Д. Собр. соч. Т. 8. С. 319, 333.

¹¹ Лондон Д. Революция// Лондон Д. Собр. соч. Т. 5. С. 419.

¹² Там же. С. 416.

¹³ Нефёдов Ф. Д. Наши фабрики// Штурманы будущей бури. М., 1987. С. 215.

¹⁴ Лондон Д. Люди бездны// Лондон Д. Собр. соч. Т. 5. С. 165.

¹⁵ Андреев Л. Н. Рассказы. Волгоград, 1979. С. 22.

¹⁶ Лондон Д. Указ. соч. С. 152.

- ¹⁷ Гиляровский В. А. Мои скитания. Люди театра. М., 1987. С. 133.
- ¹⁸ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 640.
- ¹⁹ Лондон Д. В далёком краю// Лондон Д. Собр. соч. Т. 1. С. 83–84.
- ²⁰ Ирвинг Стоун. Моряк в седле. Художественная биография Джека Лондона. М., 1987. С. 95.
- ²¹ Лондон Д. Собр. соч. Т. 1. С. 103, 109–110.
- ²² Лондон Д. Собр. соч. Т. 3. С. 248.
- ²³ Лондон Д. Крис Фаррингтон – настоящий моряк// Лондон Д. Собр. соч. Т. 4. С. 50.
- ²⁴ Лондон Д. В бухте Йеддо// Лондон Д. Собр. соч. Т. 4. С. 76.
- ²⁵ Лондон Д. Мартин Иден// Лондон Д. Собр. соч. Т. 7. С. 29.
- ²⁶ Там же. С. 66, 68.
- ²⁷ Лондон Д. Морской волк// Лондон Д. Собр. соч. Т. 4 С. 211.
- ²⁸ Лондон Д. Время-не-ждет// Лондон Д. Собр. соч. Т. 8. С. 123, 130, 262.
- ²⁹ Лондон Д. Смок Беллью// Лондон Д. Собр. соч. Т. 10. С. 21, 39, 147, 156–357, 177.
- ³⁰ Лондон Д. Как аргонавты в старину// Лондон Д. Собр. соч. Т. 12. С. 222.
- ³¹ Лондон Д. Черепахи Тасмана// Лондон Д. Собр. соч. Т. 12. С. 33.
- ³² Лондон Д. Морской фермер// Лондон Д. Собр. соч. Т. 11. С. 84.
- ³³ Лондон Д. Лунная долина. Сердца трёх. Романы. М., 1990. С. 249, 349, 367.
- ³⁴ Лондон Д. Собр. соч. Т. 11. С. 175.
- ³⁵ Лондон Д. Мудрость снежной тропы// Лондон Д. Собр. соч. Т. 1. С. 135.
- ³⁶ Лондон Д. Рассказы рыбацкого патруля// Лондон Д. Собр. соч. Т. 4. С. 111.
- ³⁷ Лондон Д. Собр. соч. Т. 8. С. 374; Т. 12. С. 352.
- ³⁸ Лондон Д. Ату их, ату!// Лондон Д. Собр. соч. Т. 9. С. 65.
- ³⁹ Лондон Д. Люди бездны// Лондон Д. Собр. соч. Т. 5. С. 43.
- ⁴⁰ Там же. С. 61.
- ⁴¹ Там же. С. 154.
- ⁴² Там же. С. 187.
- ⁴³ Лондон Д. Мартин Иден// Лондон Д. Собр. соч. Т. 7. С. 335.
- ⁴⁴ Лондон Д. Лунная долина. Сердца трёх. Романы. С. 131.
- ⁴⁵ Лондон Д. Убить человека// Лондон Д. Собр. соч. Т. 10. С. 389.
- ⁴⁶ Лондон Д. Кулау-прокажённый// Лондон Д. Собр. соч. Т. 9. С. 165.
- ⁴⁷ Лондон Д. Собр. соч. Т. 5. С. 409.
- ⁴⁸ Лондон Д. По ту сторону рва// Лондон Д. Собр. соч. Т. 11, С. 27.
- ⁴⁹ См.: Новая история. Второй период. М., 1984. С. 203; История зарубежной литературы XX века. 1871–1917. М., 1989. С. 321; Кертман Л. Е. История культуры стран Европы и Америки (1870–1917). Учеб. пособие для вузов по спец. “История”. М., 1987. С. 216.
- ⁵⁰ Лондон Д. Собр. соч. Т. 6. С. 218.
- ⁵¹ Ф. Фонер. Джек Лондон – американский бунтарь. С. 213.
- ⁵² Time, September, 23, 2002.